

спецпроект

ФОТО ИЗ АРХИВА ПРЕСС-СЛУЖБ

Первый при

знак ума

КВАРТЕТ

Остроумие и адекватность — так они определяют свой театр. И если адекватность — любимое слово участников «Квартета И», то остроумие — это их жизнь. Взгляд. Отношение. Философия. «Мы пробовали, — говорят, — быть серьезными. Не получается».

И

не «маргиналы», и не «интеллектуалы», они уже освоили театр, кинематограф и... спорт. Недавно в рамках фестиваля искусств «Черешневый лес» прошел футбольный турнир среди театров.

Камиль: Почему футбол? Да потому, что это самая популярная игра. Что для нее нужно? Два камня, изображающие ворота, мячик и команда. Все. В 1990-е годы футбольный турнир среди театров проходил под крышей Дома актера. Патронировала его Маргарита Александровна Эскина, а организацию взяли на себя мы — «Квартет И» и Борис Кивилевич.

Саша: Начинали с восьми театров, а дошли до тридцати двух. Участвовать в турнире считалось очень престижным!

Камиль: Занимался этим в основном Слава. Но со временем он подустал, сказал: «Ну, сколько можно?! Давайте заканчивать». И мы закончили с этой историей. Но два месяца назад, в феврале, я что-то начал тосковать. Сидел, думал: «Что же мне делать? А ну-ка, может, мы возобновим турнир?» Еще Олег Меньшиков предложил свое участие как организатора и притянул с собой фестиваль «Черешневый лес».

Саша: Профессиональные футболисты у нас Слава с Лешей, кандидаты в мастера спорта по футболу. А мы — так.

Слава: Мы действительно очень хорошо играем. Хотя, конечно, не профессионалы. Нам по тридцать восемь лет — какие профессионалы? Но раньше играли на очень приличном уровне. Да и сейчас проблемы только с физическим состоянием: мы не можем бегать, как раньше. Технически же на уровне команды 1-й лиги легко. А то и высшей. В футбол мы играем всю жизнь — с пяти лет.

ДОСЬЕ

Комический театр «Квартет И» в 1993 г. создали выпускники эстрадного факультета ГИТИСа Ростислав Хаит, Леонид (Леша) Барац, Камиль Ларин, Александр Демидов и Сергей Петрейков (режиссер). У «Квартета» репутация одного из самых веселых московских театров, которому удается работать в жанре чистого юмора, никогда не ударяясь в «чернуху», почти никогда — в политику и не опускаясь до шуток «ниже пояса». Авторами выступают Ростислав Хаит, Леонид Барац и Сергей Петрейков. Выпустили спектакли: «День радио», «День выборов», «Быстрее, чем кролики», «Разговоры мужчин среднего возраста о женщинах, кино и алюминиевых вилках» и другие. Сняли фильмы: «День радио», «День выборов» и «О чем говорят мужчины».

«Для настоящего спорта мы были ленивыми. Нам не хватало злости на жизнь»

Сначала во дворе, потом в какой-то секции. Полгода прозанимались в одесском «Черноморце» — в СДЮСШ — и, в общем, могли пойти по этой линии. Но стало ясно, что профессионально заниматься футболом у нас не получится, поскольку это лишит возможности поступать в театральный вуз.

Леша: Я играл везде, где мог играть и чем мог играть в футбол. У нас в Одессе в школе были паркетные полы, и мы играли либо скомканной фольгой (на переменках — мяча же не было, и нужно было тихо это делать), либо ластиком, либо каштаном. Я очень быстро бегал, соответственно, был нападающим. Слава мне давал на выход пас, а я убегал и забивал. Теперь скорость уже не та... Хотя для своего возраста я бегаю, наверное, неплохо.

Почему же не пошли по этой линии?

Слава: Для настоящего спорта мы были слишком ленивыми. Недаром говорят, что профессиональные спортсмены получают из детей из малообеспеченных семей. Мы же жили в обеспеченных семьях, у нас все было в порядке. Нам не хватало злости на жизнь и желания доказать всем и вся, что мы самые офигенные. Мастерства и умения было достаточно, а вот характера — нет.

Футбол не просто техника, это еще и физические данные. А они зарабатываются чем? Тяжелыми тренировками. То есть хорошая физическая форма достигается тяжелым физическим трудом. Словом, у нас не было нужного запала. Кроме того, мы понимали, что заниматься театром, играя в футбол, возможность бу-

дет всегда, а в спорт надо уходить с головой. Ты либо не живешь, либо не достигаешь выдающихся результатов. А мы теперь и достигаем чего-то (хотя, понятно, что выдающихся вершин в театре еще не достигли), и живем, и делаем, что хотим.

А Камиль с Сашей какими видами спорта занимаются?

Камиль: С детства, как и все пацаны, зимой играл в хоккей, летом — в футбол.

Саша: А весной, в половодье, он плавал. Он же из Волгограда, поэтому сразу в Волгу — и плыть!

А осенью?

Камиль: Как правило, считал цыплят у деда. Дед держал цыплят — я их по осени считал. Еще я немного занимаюсь гольфом.

Саша: На коньках стоишь?

Камиль: Стою и даже катаюсь.

Саша: Я тоже стою на коньках. Тоже играл в хоккей, но не могу сказать, что достиг каких-то невероятных результатов. А вот футболистом я до этого никогда не был. Люблю баскетбол и играю относительно нормально. Еще хожу в тренажерный зал. Вот весь мой спорт.

По какому принципу вы создали театр именно в этом составе — дружбы, сходства интересов, сходства мировоззрений, чувства юмора?

Слава: По-моему, Сережа Петрейков, наш режиссер, отметил, что когда в этуодях участвует кто-то из нас четверых, они оказываются успешными. И предложил делать вокруг нас театр. При этом понятно, что с Лешей мы близкие друзья с первого класса, до сих пор ездим вместе отдыхать. С Сашей тоже были близки в институте. Вот с Камилем чуть подальше, поскольку он немного старше нас.

После института для вас был выбор — идти в академический театр или делать свое дело? Хотя бы минуту задумывались об этом?

Слава: Какой академический театр?! Не дай Бог! У меня был выбор — делать с ребятами «Квартет» либо идти в «Джентльмен-шоу», художественным руководителем которого был мой папа, а брат — одним из «джентльменов». Они звали меня к себе зарабатывать хорошие деньги — шоу тогда было суперпопулярным.

Леша: Мы не думали об этом. Делали то, что делалось, прикладывая к этому немалые усилия — те, которые сейчас я бы не смог приложить. Сами таскали декорации. Приезжали за три часа до спектакля, чтобы погладить костюмы. Учились бухгалтерии. Расклеивали по городу афиши.

Камиль: С лихвой покушали макарон и хлеба, вытерпели все трудности. Что же касается страданий и мучений — ах, вам так это далось! — нет, не было. Но мы прошли свою школу. Пытались играть серьезные пьесы — не получалось. Нас все равно в юмор тянуло! И хорошо. Пусть этим занимаются в академических театрах, а мы будем делать то, что умеем.

Саша: По крайней мере мы были лишены унижений — ходить по театрам и показываться. Потом, как некоторые наши коллеги-артисты, по пять-семь лет выходить в маленьких ролях. Мне такой опыт не нужен. Это все равно что, знаете... Я не был в армии. А хотел бы пойти? Не хотел бы. Почему? Ну, не хотел бы — и все! Два года сэкономил.

Камиль: Потому что это школа мужества! И ты ее должен пройти!

«Театральный» футбол — лучшее средство от депрессии.

Леша

К

В

а

Камиль

р

Т

Саша

е

Слава

Т

Саша: Это клише. Ты — выпускник драматического факультета ГИТИСа, значит, должен работать в Малом театре и обязательно сыграть Гамлета или Ромео. Но это не наша история! Мы по этому поводу даже не паримся.

А сочинять серьезные вещи не пробовали?

Слава: Если из тебя что-то прет, придай этому форму и посмотри на реакцию. Не имеет успеха у людей? Значит, прет что-то не то. Хотя бывает по-разному. Из некоторых перло, но при жизни они ничего не имели — опережали свое время. Их время наступило после их смерти. У нас же все нормально — нам воздается при жизни. А знаете почему? Потому что мы и не маргиналы, и не интеллектуалы (в плохом понимании этого слова). Мы обычные нормальные люди.

Леша: Юмор — это наш способ понять, что происходит в жизни. Наш способ существования. Можно заставить себя делать серьезно какие-то отрывки, кусочки — не больше. У нас есть сцены почти без смеха, но и там способ выражения тот же. Так нам лучше понимается, что происходит вокруг.

Тогда почему современные пьесы — не исторические, к примеру? Потому что «мы можем это писать», «хотим это писать» или «зритель ждет от нас этого»?

Слава: По всем трем причинам. Это же элементарно! Вот, например, сейчас вы задаете мне вопросы обо мне и я с удовольствием отвечаю. Потому что мне интересно, когда мной интересуются. А спросили бы вы о проблемах русской интеллигенции конца XIX — начала XX века? Я не большой знаток, но, наверное, мог бы что-то по этому поводу сказать. Мне стало бы скучно, да и вам невесело... Вот поэтому современные пьесы ставить лучше, нежели Чехова! Человек пришел на спектакль и смотрит историю о себе. А чтобы он понял, что пьеса Чехова — это о нем, нужно очень сильно постараться.

Почему мы сами? Потому что никто лучше не пишет. У нас реально очень хорошо получается, смешно. Мы шли к этому постепенно — пробовали, старались... Меня однажды попросили сформулировать в двух словах, чем наш театр отличается от других. Я сказал: остроумие и адекватность. Пришел человек и видит: мало того, что это о нем, так еще и рассказано тем языком, которым он говорит, о тех проблемах, которыми он живет. Вот это и есть адекватность! Когда тебе не нужно догадываться — а-а-а, это они имели в виду, когда покрасили стену красным, а потолок белым, борьбу красного с белым! Понимае-

те? Простота и ясность. Доступность. Что, Довлатов пишет о менее глобальных проблемах, нежели Пелевин? Многие полагают, это слишком просто. О сложном так просто не может быть. Как раз о сложном просто — и есть самое правильное! За многозначительностью скрывается отсутствие мысли.

Камиль: Мы рассказываем о том, что есть. Это наша жизнь, наша ситуация, наши взаимоотношения. Нам это интересно, и мы хотим об этом говорить.

Проблемы, которые волнуют ваших персонажей, меняются вместе с возрастом, в котором вы (и они) живете. Какого зрителя они привлекают?

Леша: На зрителя это как-то не влияет. По крайней мере фильм «О чем говорят мужчины», которому прогнозировали провал по молодежной части аудито-

рии, очень понравился молодым. Наверное, они поразвитей и поумнее, чем мы были в их возрасте, им ближе эти темы. А может, интересен способ подачи. Ведь ирония и юмор — это один из первых признаков ума. Для меня. Это и есть пылливость, недоверие к догмам. Свежий взгляд на жизнь. Так что амплитуда у нас от восемнадцати до шестидесяти — легко! Другое дело, что сейчас мы, конечно, задумываемся о том, о чем не задумывались в двадцать пять лет. Тогда нас интересовало одно, сейчас — совершенно другое. В двадцать пять нам было только весело! Всегда весело. Всегда хорошо. Даже когда грустно, это было хорошо грустно. А сейчас бывает

и тоскливо, и непонятно, зачем что-то делать...

Слава: Пока мы адекватны и себе, и времени, люди будут идти. Мы же не занимаемся просчитыванием рынка! Просто делаем, что хотим. Тьфу-тьфу-тьфу! Мне брат сказал: «У вас уникальная ситуация не только в стране, но и в мире. Вы зарабатываете деньги при помощи самовыражения». И это действительно так. Мы ни под кого не подстраиваемся, все получается само собой. Наше финансовое благополучие всегда опережало популярность. Оказывается, можно зарабатывать деньги нормальными человеческими историями!

Леша: Я получаю удовольствие, когда зал откликается любой эмоцией на то, что мы делаем. Например, смеется — это самая прямая адекватная эмоция, которую сразу слышишь. Или вижу, что они впечатлились — ой... В конце спектакля чувствую себя чуть-чуть врачом. Раньше человеку было больно, а теперь полегчало. Вот и мне кажется, что делаю хорошее дело. Правильное. Я вижу в глазах людей, что им хорошо — лучше, чем было. Это очень приятное чувство!

Авторство помогает актерству? Или, наоборот, мешает?

Леша: И то, и другое. Помогает, потому что я понимаю, о чем идет речь, и хорошо интонирую, доношу мысль. А мешает, поскольку не привношу ничего нового. Иногда надо выдать неожиданную реакцию — для большего объема. А я просто органичен. Мешает еще слезка за тем, насколько правильно все говорят — как ведут диалог, доносят ли суть. Вдруг кто-то что-то неправильно скажет, и это криво повлияет на смысл?

А как же импровизация?

Леша: Есть реплики, придуманные по ходу и уже вошедшие в спектакль. Например, «вы все тут молодцы» в «Дне радио». Никто не запрещает. Но странное дело: когда шутишь впервые, зритель чувствует это и смеется. А во второй раз, если реприза неудачная, нет. Это значит, ее надо выбрасывать.

Какие актерские мечты вас преследуют, если в своем театре все возможно?

Саша: У меня есть мечта — сниматься в кино. Не опять — самим писать, самим снимать, самим играть, самим, самим, самим... А чтобы пригласили в хорошее кино.

Камиль: Мало хороших. Бывает, спросишь у актера: «Сколько у тебя фильмов?» — «Сорок пять!» — «Да ты чё?! А я вот знаю твоих два». А на фига тогда эти сорок с лишним?

Саша: Для того чтобы пригласили в те два, которые, как ты считаешь, хорошие. То же самое в академическом театре. Ты оттанцевал десять лет в «Ленкоме»,

в «Бременских музыкантах», — и тебе дали эпизод в каком-то спектакле рядом со звездой.

Камиль: Как хорошо, что у нас получилось! Пусть это всего три картины, но они качественные. Что лукавить, я тоже хочу сниматься в кино. Но, конечно, в хорошем.

Саша: Ситуация изменилась бы, будь наше материальное положение не таким благополучным. Помню, я встал на учет, потому что хотел сниматься в кино. Пришел в трехкомнатную квартиру на кастинг эпизода, оказался двенадцатым. После этого унижительного нахождения в очереди — как за колбасой — я перестал ходить на кастинги. А вот если б у меня не было денег, ходил бы и в этих очередях простаивал.

Камиль: У меня не было денег, но я тоже не ходил. Зачем, если можно не унижаться, а заработать где-нибудь в другом месте?

Саша: Но ты же артист! По идее ты должен этим зарабатывать.

Камиль: Но я же не разгружал вагоны, я занимался корпоративами.

Саша: Одно время мы и вагоны разгружали, образно говоря. И моменты отчаяния были. Думали: кому это надо, зачем? В зале только родственники и знакомые, бабушки и дедушки! Сейчас, по прошествии семнадцати лет, уже невозможно отследить, откуда что взялось. Как-то все медленно, постепенно пришло к тому, что мы сейчас имеем.

Как вам удавалось терпеть друг друга семнадцать лет? Редко кому везет пройти такой путь без потери бойцов.

Саша: Пусть потом критики обсуждают феномен «Квартета И» и объясняют, почему так. Нашему театру семнадцать с половиной лет, мы знакомы двадцать два с половиной года и до сих пор в приличных человеческих отношениях. Не делаем друг другу подлостей и с удовольствием жмем руку. А после спектакля в гримерке прикалываемся — нам по-прежнему комфортно друг с другом.

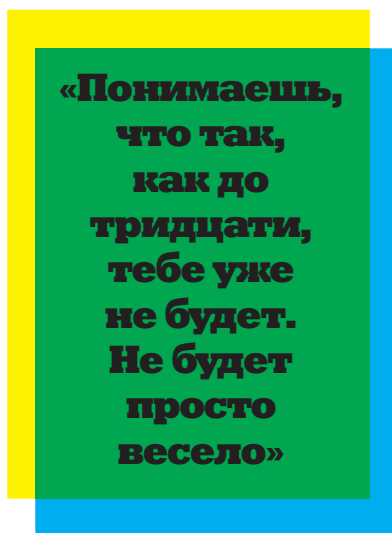
Саша: Моменты были разные. И ругались, конечно. И уходил лично я пару раз из театра — все было. Но потом почему-то возвращался. Несмотря на все разногласия и разборки, ощущение того, что лучше держаться друг друга, преобладает и побеждает. А на чем оно основывается — на компромиссах, просчитывании ситуации или невероятной любви друг к другу, — я не знаю. Мы иногда сравниваем себя с семьей. Муж и жена. Вот почему они живут вместе, при том что ругаются, дерутся, изменяют друг другу? Уже отметили пятнадцатилетие свадьбы. Двадцать лет. Двадцать пять лет. Золотая свадьба.

Вот и у нас, как в семье, все было. Семнадцать лет не прошли только в любви и застольях.

Кризисы семейной жизни?

Саша: Они у нас постоянно. Другой вопрос, как мы сохранились — преодолели все кризисы. Как-то Сережа Петрейков, наш режиссер (нам тогда было лет семь, наверное), пришел и говорит: «Я больше ничего не могу. Пустой. Давайте расходиться». Мы в ответ: «Нет, мы будем вместе! Ты отдохни — поспи, съезди в отпуск...» Потом у меня был такой период — ничего больше не хочу, надо уходить. «Нет, — сказали мне. — Попарься в бане, выпипись, поговори с психологом». Так было с Камилем и со Славой. Леша однажды проснулся, а ему грустно. Что такое? Раньше настроение было хорошим всегда, а сейчас его нужно зарабатывать. Что происходит? Почему все вокруг черное?

Леша: Мне кажется, он не проходит — кризис среднего возраста. Ты просто с ним сживаешься. Понимаешь, что так, как до тридцати, тебе уже не

Сцена из спектакля «Разговоры мужчин среднего возраста о женщинах, кино и алюминиевых вилках»

«Несмотря на все разборки, ощущение того, что лучше держаться друг друга, побеждает»

будет. Не будет просто весело. Иногда что-то мелькнет, но так, чтобы всегда хорошо, — нет. Просто надо это знать. Или вернется к девяности годам — оп! — и тебе опять классно! Лежишь у моря и радуешься внукам.

Как же вы справляетесь с кризисными состояниями?

Леша: Зарабатываем на них деньги. Делаем об этом спектакли.

Камиль: Есть разные способы. Вот у меня, допустим, была депрессия. Ребята пишут, Саша сочиняет песни, а мне делать нечего — нужно куда-то приложить энергию. Тогда я сказал: «Буду заниматься футбольным турниром!» И это стало для меня терапией: забил себя работой, звонками, встречами... Иногда мог дать задание — а ехал сам и сам делал. А если какая-то проблема, которую я не могу решить, тогда уже включаются ребята и говорят: «Давай-ка вот так попробуй!» — или: «Тебе надо отдохнуть, уезжай!»

Помимо русского языка есть еще единомышленники. Когда знаешь, что тебя не ударят в спину, и понимаешь, что с этими людьми ты на одной волне. Но мальчики превратились в мужчин, и как дальше пойдет — неизвестно. Каждый из нас стал немножко крепче, уверенней, появился свой круг друзей. Уже есть внутренняя независимость.

Саша: В нашем коллективе всем позволено быть главными — в той или иной мере. Один лидер в одном, другой — в другом. Но мысль о том, что я — главное и лучше, я в этом больше понимаю, приходила в голову каждому из нас. Приходит до сих пор. Просто мы — каждый в отдельности и все вместе — не даем друг другу почувствовать головукружение от успеха, «звездняка» в рамках квартета поймать. Либо своих мозгов хватает, либо общего «квартетного» мозга, чтобы не дойти до этой глупости — разойтись.

Лада Ермолинская

После «Дней» комический театр «Квартет И» прочно вошел в моду, а ДК им. Зуева стал одним из популярнейших мест. Сцены из спектаклей «День радио» и «День выборов»